

Однажды ее брат спросил.

“Вы знаете, кто такая мадам Ла Пондю?”

Помедлив мгновение, Лилоа дала четкий ответ.

"ах! Герцог, который правил княжеством Далтин. Женщина-герцог."

“Откуда ты ее знаешь? Она была свергнута в течение нескольких месяцев правления княжеством. За ее именем нет никаких достижений”.

“Мадам Ла Пондю восхитительна. Она знала, что как только выйдет замуж, ее богатство и статус будут принадлежать ее мужу. Ей это не понравилось, поэтому она не вышла замуж и сама стала герцогом. Но люди обвинили ее в убийстве своих братьев и сестер в прошлом, поэтому она была повешена”.

{ ‘Какое выражение было на лице моего брата в то время? Моя младшая "я", вероятно, была слишком поглощена расчесыванием волос своей любимой куклы, поэтому она не видела, но теперь я легко могла себе это представить". }

С того дня многое изменилось. Он начал называть ее избалованной бестией и стыдился даже сидеть с ней за одним столом. Он сказал, что с ее стороны было невыносимо варварски высказывать свои нефiltroванные мысли как женщине. Он пытался приручить Лилоа, как если бы он приручал животное, говоря, что ее слова и действия были сравнимы с действиями собаки. Он даже боялся, что Лилоа выйдет замуж за неукротимого, поэтому лично составил график, чтобы исправить ее. Лилоа, устав от жестокого обращения своего брата, в конце концов притворилась, что повинуетя. Но какой бы молчаливой она ни была и как бы низко ни опускала глаза, его безумие с каждым годом становилось только сильнее.

Ее брат подчеркнул слово "терпение", одно из величайших достоинств, которыми должна обладать женщина. Чтобы воспитать в себе терпение, Лилоа приходилось совершать всевозможные нелепые поступки. Это также не ограничивалось практикой молчания.

Физическая боль, такая как насилие и наказание, была не единственной болью, которую можно было испытать. Душевная пытка была не меньшей, чем физическая боль. Будучи ребенком, душа Лилоа с юных лет была заперта в ужасной тюрьме. Она не могла прочитать то, что хотела прочитать, она не могла видеть то, что хотела увидеть, она не могла слышать то, что хотела услышать, и она не могла сказать то, что хотела сказать. Не было никакой разницы между этим и тем, чтобы ей вырвали настоящий язык или отрезали уши. Конечно, на самом деле все они были по-прежнему аккуратно прикреплены. Вот почему ее желание наслаждаться своими чувствами и способностями в полной мере постоянно росло. У нее было честолюбие жить как человеческое существо, наслаждаться свободой ворочать языком и выпускать свою душу в мир. Но это естественное и тривиальное удовлетворение было утаено от нее, оно не было допущено даже на одно мгновение.

Это вызвало вопрос в Лилоа.

‘Если бы все было отрезано от меня вот так, почему я вообще родился с глазами, носом, ртом и ушами? Я рожден с теми же характеристиками, что и мой брат, но почему я единственный, кто страдает от боли, когда мою плоть отрезают позже в жизни?’

Лилоа снова и снова мучили такие странные вопросы. Но из-за того, что ей некому было ответить или выслушать ее вопросы, они накапливались год за годом и росли внутри нее. Тем не менее, тюрьма ее брата осталась неизменной. Тюрьма, которая становилась все уже по мере того, как Лилоа росла, душила все ее тело.

- - - - - конец воспоминаний - - - - -

Лил посмотрела в темноту. Где-то в этой темноте стоял Морту, бог смерти, который следовал за ней, как тень, с детства. Когда ее брат сказал ей заткнуться, он пришел и отрезал ей язык. Когда ее брат сказал ей ходить грациозно, он подошел и снял с нее ноги. Он неоднократно отсоединял и снова прикреплял конечности Лил, пока она не начала ходить в такт музыке. Случайно став свидетельницей интрижки их конюха и любовницы ее отца, она притворилась, что не видела этого, но все же он пришел и выколол ей глаза.

Но даже сейчас, несмотря на то, что она вырвалась из рук своего брата, она все еще не могла убежать от Морту.

Лил скорчилась всем телом и глубоко погрузилась в тень.

‘Если я вот так спрячусь в темноте, то бог смерти не сможет узнать меня, верно? Пройдет ли он мимо, не заметив?’

Лил крепче обхватила руками колени.

- Визг -

Реальность проникла в ее уши, когда Лил отвела глаза и уставилась в пол. Свет проникал сквозь открывшуюся дверь. Когда щель расширилась, лучи света, проскользнувшие внутрь, достигли ее ног. Слабый свет постепенно распространился, и послышался ясный голос.

“Лилоа”.

Лил подняла голову. Сезар приблизился к ее скорчившейся фигуре и протянул руку.

“Где у тебя болит?”

“Это пустяки”.

Сезар обеспокоенно посмотрел на нее. Лил быстро стряхнула с себя воспоминания, прежде чем он заметил ее меланхолию и вскочил на ноги. Ее голос звучал решительно.

“Ты рано проснулся?”

Сезар, у которого все еще были сомнения, переспросил.

“Что ты здесь делал?”

“О, в этом нет ничего особенного. Я просто думал о прошлом...”

“ ... ”

“Ты идешь на пристань для яхт?”

“ ... ”

Когда Лил сделала несколько шагов к нему, Сезар вошел и закрыл дверь. Лил, которая не сомневалась, что он зашел, чтобы пойти с ней на пристань для яхт, удивленно остановилась. Сезар, ничего не объясняя, пересек комнату и открыл ставни.

“Что ты делаешь?”

Сезар некоторое время молчал, не оборачиваясь. Лил без труда догадалась, о чем он думает. Его жесты означали, что эта история вот-вот снова выйдет наружу. Но на этот раз Лил не возражает. “Белл Рок” не мог выйти в море из-за нехватки экипажа, и южные моря вскоре превратились бы в поле битвы. На самом деле, даже если бы “Белл Рок” улетел, было неясно, куда идти и что делать. Она не могла сказать, что хочет продолжать играть роль пирата.

Сезар с трудом открыл рот.

“Лилоа. На этой неделе было занято всего пятнадцать человек.”

“И что?”

“Это все еще меньше половины первоначальной команды”.

“И что? Что ты хочешь сказать?”

“Половина Лиги придерживается мнения, что мы должны пока наблюдать за передвижением флота Мондови, не предпринимая никаких действий. Лилоа, мы не можем гарантировать длительные путешествия, пока адмирал бродит по южным морям. Почему вы продолжаете вербовать?”

“Если адмирал придет, как вы сказали, нет никакой гарантии, что Паничи будет в безопасности. Итак, что мы собираемся делать? Остаться здесь, как легкая добыча?”

Лил нервно прошлась и села на кровать. Сезар спокойно подошел и сел рядом с ней. Его теплые и нежные руки взяли ее руки. Когда он так себя вел, Лил почувствовала, что больше не может выплескивать свой гнев. Сняв с нее ожерелье, Сезар старательно собрал пальцем ее растрепанные волосики и заправил их ей за ухо.

“Лилоа. Я люблю тебя”.

По привычке Лил мгновенно открыла рот.

“Я тоже тебя люблю”.

“Так вот, такая жизнь... Разве ты не видишь конца?”

Лил крепко зажмурила глаза. Она крепко сжала веки в надежде сдержать слезы.

“Что я могу сказать? Ответ уже дан. С самого начала было ясно, что Сезар спас меня не для того, чтобы вести пиратскую жизнь. Он все еще желает той жизни, которая была у него раньше. Жизнь, в которой мы поселимся в мирной деревне и продолжим нашу переполняющую любовь... Потом, однажды, я рожу ребенка, и мы будем растить этого ребенка... Мы счастливо состаримся вместе...”

Лил, которая чувствовала, что задыхается, изо всех сил пыталась ответить небрежно.

“Это то, чего мы ожидали, верно?”

“ ... ”

В одно мгновение его лицо озарилось счастьем. Она могла видеть это, несмотря на то, насколько слабым оно было. Звук его радостного выдоха и ощущение его дыхания на ее щеке душили ее только сильнее. Лил захотелось повернуть голову.

“Ладно... Дай мне время подумать.”

Лил улыбнулась Сезару, когда он приблизился для поцелуя.

Много лет назад, когда Сезар пригласил Лил пойти с ним, слово 'вместе' отражало очень четкое желание. Сезар попросил ее пойти с ним, но он не сказал, что освободит ее. Тем не менее, это была неизменная правда, что Сезар спас Лил.

“Такое чувство, что я в долгу до конца своей жизни. Но обязательно ли это должна быть любовь?”

Должна ли принцесса, спасенная от чудовища храбрым рыцарем, любить рыцаря? Даже если принцесса никогда не желала его спасения и никогда не хотела его любви? Скорее, принцесса предупредила его, не обращай ко мне. Но рыцарь спас ее и все равно любил.

Что должна делать принцесса?

Когда она получает непрошеное спасение и нежеланную любовь, и когда она лжет, что больше ничего не хочет, может ли она продолжать притворяться, что верит в эту ложь? Может ли она игнорировать его, притворяясь, что не знает? Тот, кто пожертвовал всем ради ее спасения...’

“Я люблю тебя...”

Лил жила в замке Морту.

Морту - гробовщик и бог смерти из древних сказаний. Когда люди Империи приобретут репутацию и известность, места их захоронений будут соответствовать их статусу. Они были бы похоронены с наилучшим видом, что могло бы даже привести к территориальным спорам. Но если они были женаты, они просто выкапывали яму рядом с ним и готовили гробы для своих жен, чтобы они поместились только в яму. Конечно, поскольку тело женщины не было измерено, оно могло отличаться от размера ее гроба...

Если мужчина вернется домой и подумает: "Э-э, я думаю, она немного слишком высокая". Морту отрезал бы ей ноги. Если он думает: "Хм, она выглядит немного полноватой". Морту разрезал бы ее туловище. Тело женщины будет изменяться всю ее жизнь, отделяя ее плоть и кости. И если ее тело не помещалось в гроб, оно было изуродовано даже после смерти.

Прочитав в детстве рассказы Морту о привидениях, Лил страдала от иллюзии, что он всегда следует за ней. Ощущение того, что ее рот закрыт, а ноги контролируются кем-то другим, было похоже на то, как Морту разрезает ее тело. Бог смерти, который разрезает тела и готовит их к погребению, калечил Лил заживо столько, сколько она знает.

“Те, кто оказался в ловушке в такой ситуации, разве они не захотят свободы?”